

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИИ СО РАН)

ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090
Факс: (383) 333 24 37
Телефон: (383) 330 13 49
E-mail: lamin@history.nsc.ru
<http://www.history.nsc.ru>

"Утверждаю".

Директор Института
истории СО РАН
чл.-кор. РАН

В.А. Ламин.

№ _____
На № _____ от _____

Отзыв ведущей организации
на диссертацию Дятловой Анастасии Константиновны
"Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв.
в современной англо-американской историографии",
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и
методы исторического исследования

По мнению многих современных специалистов, в течение нескольких ближайших десятилетий Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) может превратиться в главное звено мировой экономики и один из важнейших геополитических центров планеты. Оценка перспектив развития АТР требует более глубокого изучения его истории, в том числе проблем, связанных с развитием международных отношений в регионе. Западные исследователи внесли заметный вклад в разработку темы, в том числе в изучение истории дальневосточной политики России до 1917 г. Накопленный ими историографический опыт требует обобщения и объективной оценки отечественными специалистами. В этой связи актуальность темы диссертационного исследования А.К. Дятловой не вызывает сомнения.

Автору удалось собрать и проанализировать значительный массив историографических источников, представить самостоятельное и законченное исследование. Многие работы западных историков, рассмотренные в диссертации, впервые стали предметом специального

историографического изучения. Полученные автором выводы представляются в целом обоснованными и должны быть приняты во внимание в ходе дальнейшего изучения вопросов истории дальневосточной политики России XIX–XX вв.

В то же время, необходимо сделать ряд замечаний. В центре внимания рецензируемого диссертационного исследования – работы представителей англо-американской историографии, посвященные дальневосточной политике России рубежа XIX–XX вв. и опубликованные после 1991 г. Как представляется, выбор объекта исследования и определение хронологических рамок следовало обосновать не только с точки зрения внешних, политических и идеологических, факторов развития историографии (соперничеством стран, распадом СССР, уменьшением идеологического давления и т. д.), но и с точки зрения внутренних оснований развития исторической науки (выработкой новых концепций и теорий, расширением источниковой базы и проблематики исследований, методологическими новациями и т. п.). Важно показать роль англо-американских историков в разработке вопросов, связанных с историей присутствия России на Дальнем Востоке и в северной части Тихого океана, отметить значительное количество опубликованных ими работ по данной теме, оригинальность предложенных ими концепций.

В разделе, посвященном историографии темы, следовало бы рассмотреть работы американского историка А.Дж. Рибера, который подверг историографическому анализу широкий круг исследований, посвященных внешней политике Российской империи, в том числе и на Дальнем Востоке (в списке литературы упоминается одна из его статей, опубликованная на русском языке, но у А. Рибера есть и другие работы, см. напр.: Rieber A.J. The historiography of Imperial Russian foreign policy: a critical survey // Imperial Russian foreign policy. Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1993). Отдельные аспекты темы затрагивались не только в историографических разделах диссертаций, но и в специальных историографических исследованиях (статьях и монографиях), написанных отечественными исследователями – напр., в историографических трудах Н.В. Чернавской и Т.В. Воробьевой. Следует также заметить, что наиболее известным работам западных историков (как, например, монография С.Маркса) посвящено гораздо большее количество рецензий в зарубежных и отечественных научных журналах, чем это указывается диссертантом.

Характеризуя источниковую базу исследования, полезно было бы дать определение понятия «историографический источник». Автор перечисляет западных историков – авторов научных работ, анализируемых в диссертации. Однако из общего ряда современных исследователей явно выпадают Х. Макиндер и А. Малоземов, жившие и работавшие в первой половине XX века. В то же время автору следовало бы привлечь работы обобщающего характера, написанные современными англо-американскими

исследователями, в частности, У.Б. Линкольном, А. Вудом, Б. Бобриком (Lincoln W.B. *The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians*. – London, 1994; Wood A. *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. – London; New York, 2011; Bobrick B. *East of the Sun: The Epic Conquest and Tragic History of Siberia*. – N. Y.: Poseidon Press, 1992. – 542 p.) и посвященные истории Сибири и Дальнего Востока конца XVI – XX в. В указанных монографиях специальные разделы посвящены историческим сюжетам, рассматриваемым А.К. Дятловой – истории строительства Транссиба и КВЖД, взаимоотношениям России, Китая и Японии на рубеже XIX–XX вв., Русско-японской войне 1904–1905 гг. и др. Кроме того, вслед за В.Г. Дацышеном диссертант упоминает известные монографии Дж. Стефана и Дж. Форсайта, но далее, в основной части своего исследования, специально на них не останавливается.

Для более обстоятельного анализа дальневосточной политики России и международных отношений в регионе во второй половине XIX – начале XX в. автору следовало бы также обратить внимание на работы М. Бассина, П. Бентона, П. Дууса (Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. – New York; Cambridge: Cambridge University Press, 1999; Berton P. *Russo-Japanese Relations, 1905–1917: From Enemies to Allies*. London, 2011; Duus P., et al. *The Japanese Informal Empire in China, 1899–1937*). В основной части исследования А.К. Дятлова справедливо называет в числе крупнейших современных исследователей истории Русско-японской войны израильского историка Ротема Коунера, однако в библиографическом списке отсутствует подготовленный и изданный им двухтомный сборник научных статей «*Rethinking the Russo-Japanese War, 1904–1905*» (Global Oriental, 2007).

Характеризуя источниковую базу современных англоязычных исследований (в заключительном разделе диссертации) можно было упомянуть об издательской деятельности западных историков – в частности, о публикации в 2003 г. известным британским историком И. Нишем источников по истории Русско-японской войны в 8 томах (Nish, Ian, ed. *The Russo-Japanese War, 1904–5: A Collection of Eight Volumes*. Folkestone, Kent : Global Oriental, 2003). Как представляется, указанные пробелы в библиографии показывают необходимость более внимательного выявления и анализа деятельности исследовательских центров, специализирующихся на изучении истории АТР и отдельных стран региона.

В заключительном разделе диссертации автору следовало более полно охарактеризовать концепцию, сформулированную американским историком Стивеном Марксом. Данные им оценки деятельности С.Ю. Витте и значения Транссиба довольно противоречивы. С. Маркс действительно уделил особое внимание деятельности С.Ю. Витте, который сыграл ключевую роль в организации строительства Транссиба, но опирался при этом, по определению В.С. Лаврова, на «режим личной власти», возвышаясь и над

правительством, и над обществом (Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. New York, 1991. P. 224). По мнению американского историка, С.Ю. Витте исключил любую возможность дискуссий и выражения несогласия с его действиями, назначая на важные должности в правительстве слабых, уступчивых людей, а также учредив специальный административный орган, Комитет Сибирской железной дороги, решавший все вопросы, связанные со строительством магистральной. Все мероприятия, проводимые С.Ю. Витте, вполне вписывались в систему самодержавного государства, и, по заключению С. Маркса, оказались в значительной мере дискредитированы экономическим спадом начала XX в. В то же время индустриализация «по Витте» предвосхитила проекты позднейшей, советской, эпохи.

Сходную оценку, в основном негативную, историк дал всему проекту Транссибирской магистрали, который, по его мнению, не оправдал себя ни с экономической, ни со стратегической точек зрения. Неудовлетворительные результаты функционирования Транссиба и противоречивые итоги экономической «реконструкции» Сибири, осуществлявшейся под руководством государства, объяснялись тем, что все эти мероприятия преследовали, прежде всего, политические цели. Соображения экономической выгоды имели в глазах правительства куда меньшее значение. В своем стремлении сократить затраты на строительство или ускорить темп работ государство часто закрывало глаза на проблему общей неэффективности проекта и повсеместной коррупции.

В отличие от большинства американских историков, которые в целом положительно оценивали значение Транссиба, С. Маркс попытался опровергнуть распространенное в западной историографии представление об успешности российской «модернизации» рубежа XIX–XX вв., которая лишь в малой степени отклонялась от общей траектории экономического развития европейских стран. Историк признавал, что главной движущей силой «модернизации», действительно, было правительство, но слабость российской экономики, по мнению С. Маркса, как раз и заключалась в ее полной зависимости от самодержавного государства.

Выводы, к которым пришел С. Маркс, А.К. Дятлова справедливо считает довольно спорными. Критика в его адрес звучала в российской историографии и ранее: например, в рецензиях Е.Б. Шашиной (Отечественная история. 1993. № 4. С. 207–208) и И.В. Поткиной (Вопросы истории. 1993. № 4. С. 178–180). Однако, при всей спорности отдельных положений работы С. Маркса, необходимо поддержать его фактический призыв к более объективному и непредвзятому изучению хода и итогов социально-экономического развития Сибири в предреволюционный период.

Кроме того, у американского историка есть сторонники в западной историографии. Точку зрения, изложенную С. Марксом, во многом поддержал английский историк Алан Вуд (Wood A. Russia's Frozen Frontier:

A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. – London; New York, 2011). Соглашаясь с тем, что строительство магистрали способствовало «модернизации» российской экономики, британский историк все же указал, что у данного процесса в России были свои особенности: концентрация промышленных предприятий в нескольких крупных городах; преобладающее значение государственной инициативы, когда в реализации тех или иных «модернизационных» проектов большую роль играли сугубо политические, а не экономические факторы (в историографии такая экономическая система получила название «системы Витте»); продолжающаяся эксплуатация и избыточное налогообложение крестьянства; большая зависимость от иностранного капитала и управленческого персонала. Впрочем, в своих оценках экономического эффекта от строительства и эксплуатации Транссиба А. Вуд основывался исключительно на работах западных исследователей (Д. Коллинза, В. Моута, С. Маркса), не учитывая многие работы советских и российских исследователей, которые самым обстоятельным образом анализировали роль Транссиба в процессе дальнейшего индустриального развития региона (не говоря уже о военно-стратегическом значении магистрали, в т. ч. в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.).

Стоит разобраться и с самим понятием историографии. В последние 10–20 лет это понятие обесценивается, всё чаще под видом историографии подаётся простой пересказ чужих публикаций. То, что раньше было лишь приступом к самостоятельному изучению той или иной темы, всё чаще предлагается как законченное исследование. К сожалению, эта тенденция в полной мере отразилась в рецензируемой работе.

Обратимся к разделу, где формулируются цели и задачи. «Цель работы состоит в том, чтобы проследить изучение дальневосточного направления внешней политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв. на современном этапе в англо-американской историографии и охарактеризовать опыт, накопленный исследователями» – так пишет автор. Эта формулировка очевидно неверна уже по формальным соображениям: прослеживание – не цель работы, а технологический процесс. Но главное – не форма, а существо дела. Как автор понимает существо своей работы, ясно из положений, выносимых на защиту.

«1. Практически все современные англо-американские историки в области изучения российской внешней политики на Дальнем Востоке в 1894–1905 гг. приходят к выводу о том, что самодержавие не справлялось с защитой интересов России на Дальнем Востоке».

«3. Современные англо-американские исследователи считают, что строительство железных дорог было главным фактором утверждения России на Дальнем Востоке и обеспечения ее внешнеполитических интересов».

«4. Современные западные авторы признают ответственность за развязывание русско-японской войны 1904–1905 гг. не только России, но и Японии, а также европейских держав».

Все эти утверждения – что самодержавие не справилось, что железные дороги были фактором, что российская экспансия была частью международной – тривиальны и известны из школьного учебника. Подобные же утверждения встречаются и по основному тексту диссертации. Выявление того, что какие-то авторы признают давно известные вещи, не является целью историографической работы.

Одна из важных задач историографии – выявление этапов (периодов) и направлений (школ) в изучении данной отрасли. При этом необходим учёт не только текстов книг, но и внешних обстоятельств: какие существовали влиятельные центры изучения темы, кто был чьим учеником, какие вопросы обсуждались в журналах и на конференциях, и так далее. А.К. Дятлова не чужда этих вопросов и начинает работу как раз с рассуждения о смене периодов изучения российской истории американцами. Однако сами эти суждения недостаточно основательны и не учитывают наличную исследовательскую литературу, даже на уровне монографий (например: Ананьев Д.А. История Сибири конца XVI – XIX вв. в англо- и германоязычной историографии. Новосибирск, 2012).

Коль скоро речь идёт об отдельном изучении зарубежной историографии, напрашивается сопоставление её с российской. По ходу работы на частных сюжетах это неоднократно делается, но на уровень обобщений не выводится. Между тем, именно этот вопрос подразумевается самым разделением историографии на зарубежную и российскую, которое использовано в данном случае. Идёт ли развитие в одну сторону или в разные? Происходит ли обмен идеями между сторонами? Есть ли у западных авторов результаты, знакомство с которыми могло бы подтолкнуть развитие российских исследований той же тематики?

Чтобы ответить на эти вопросы, полезно чётко представлять себе разницу между историческим исследованием и просто публикацией на историческую тематику. Дальневосточная политика Российской империи – тема захватывающая и притом хрестоматийная, число публикаций по ней огромно. И чем более поверхностна публикация, тем более громкие выводы и более резкие утверждения стремится сделать автор. Ясно, что между научным выводом (несомненно доказанным на основе работы с источниками) и декларацией надо делать разницу.

В разбираемой диссертации регулярно встречаются оценки (как правило – сдержанно пессимистические) источниковой базы того или иного исследования. Это важный довод в пользу того, что автор различает понятия «публикация» и «исследование». Жаль, что это понимание не доводится до логического конца. По-хорошему, оно должно бы служить орудием для отделения зёрен от плевел: заслуживающих внимания исследований от того,

что не стоит даже упоминать. Между тем, А.К. Дятлова, например, целых две с половиной страницы (с. 34–36) уделяет разбору одной магистерской диссертации, защищённой в Гонолулу и представляющей из себя по сути учебную работу (как показывает сама же Анастасия Константиновна). Логично, что простой магистрант из Гавайского университета ничего другого не мог написать, но можно было не цитировать его в серьёзной работе.

Эта проблема остро стоит и для российских работ, упоминаемых в диссертации. Вот пример: на с. 32–33 главная монография покойного А.В. Ремнёва (названного почему-то «советским историком») ставится на одну доску со студенческими тезисами в сборнике коммерческой «заочной конференции» из числа тех, на которых научное обсуждение вообще отсутствует, и единственным критерием принятия в сборник служит денежный взнос. Подобные квазинаучные публикации обесценивают понятие науки; их не следует поощрять цитированием.

Наиболее яркий пример неразборчивого отношения к высокому понятию исследования – отсылка (на с. 53) к публикации С.Д. Мартынова, которого С.Г. Беляев изобличил в плагиате! (Беляев С. Г. Исследование и компиляция (по поводу книги С.Д. Мартынова «Государство и экономика: система Витте») // Отечественная история. 2003. № 5. С. 203–205).

Такой подход к отбору историографических источников можно было бы оправдать отсутствием серьёзных работ. Однако в России есть давняя традиция изучения именно дальневосточной политики России. Основоположник этого изучения – Б.А. Романов, который ещё в 1920-е гг. одним из первых начал работать со свежерассекреченными документами и десятки лет положил на изучение дальневосточной эпопеи. Показательно, что А.К. Дятлова, включая в перечень литературы десятки не относящихся к делу публицистических статей (статья про золотовалютную реформу из журнала «Родина», и ей подобные) не упоминает статей Б.А. Романова 1920-х гг. издания. А монографию «Очерки дипломатической истории Русско-японской войны» упоминает только в первом издании (1947 г.), упуская из виду, что второе (1955 г.) было существенно дополнено автором.

Предыстория Русско-японской войны со времён Б.А. Романова выглядела столь дотошно разработанной, что только через полвека появился исследователь, рискнувший вновь взяться за изучение (а не изложение) этой темы. То был И.В. Лукоянов, предложивший собственную концепцию – новое, прежде никем не сформулированное, осмысление произошедшего с опорой на внимательное сопоставление большого числа разнообразных источников, с опорой на огромное число мелких подробностей, до которых автор диссертации ни разу в своих рассуждениях не доходит. А.К. Дятлова знает диссертацию И.В. Лукоянова (и ряд его статей, в том числе публицистических), но незнакома с книгой, по итогам которой защищена диссертация. Если между книгой и диссертацией нет существенных

различий, это можно оговорить отдельно. Но вовсе игнорировать важнейшую и новейшую монографию по теме диссертации – недопустимо.

Растворять эти две глыбы – Б.А. Романова и И.В. Лукоянова – в море всех тех, кто когда-либо что-либо высказывал лично о Витте, о Николае II или о Русско-японской войне, значит искажать картину изучения темы до неузнаваемости. Это искажение является существенным недостатком разбираемой диссертации.

Использование автором работ российских историков в диссертации о зарубежной историографии объясняется тем, что А.К. Дятлова ставит одной из задач оценку того, что пишут иностранцы: верно или неверно. Сама по себе такая постановка вопроса полезна: добротная историографическая работа подразумевает отличное знание автором фактической стороны дела. Но в данной диссертации для получения удовлетворительного решения не хватает фактов и документов.

Вот пример (с. 30): «Как и многие исследователи, Схиммельпенник отмечает тот факт, что С.Ю. Витте обладал глубоко современным видением империи. Вместе со своими соотечественниками и современниками он выступал за решительную экономическую экспансию на Тихом океане. Однако его идея "мирного проникновения" для России того времени была уникальна. Тогда как англичане, немцы и другие европейцы понимали роль инвестиций, железных дорог и банков в схватке за Азию, российское правительство недооценило важность новых методов и средств борьбы за контроль над нужными и важными территориями».

Приводя такую оценку, нельзя обходить молчанием наличие в России начала XX в. целых трёх специализированных банков (Русско-Китайский, Русско-Персидский, Русско-Корейский). Нельзя не учитывать весь опыт экономического проникновения России в Иран (в успешной конкуренции с Великобританией!). Нельзя, наконец, не сопоставить цитированные слова с доводами И.В. Лукоянова, доказывающего, что царь давал С.Ю. Витте свободу действия до тех пор, пока его политика оказывалась успешной, и отвернулся от него (в сторону безобразовцев) лишь после того, как экономическая экспансия Витте (в том числе и через Русско-Китайский банк) потерпела неудачу. Ничего этого А.К. Дятлова не делает.

Показателен параграф 2.1. В частности, речь идёт о том, какова истинная роль России в урегулировании Японо-китайской войны. При этом «правильное решение» выносится с опорой – из документов – лишь на воспоминания Витте (с. 61–62). Стоит ли вообще изучать историографию темы, если дело решается так легко!

А между тем, в перечне использованных опубликованных источников отсутствует Собрание сочинений и документальных материалов С.Ю. Витте, и в частности, тот из томов (том 1, книга 2, часть 1, издан в 2004 г.), что наполовину посвящён именно дальневосточной эпопее. Это тем более досадно, что подобранные в нём документы отчётливо показывают развитие

взглядов С.Ю. Витте на вопрос о предназначении Транссибирской железной дороги (и КВЖД как её части) – тот самый вопрос, которому целиком посвящены два параграфа в диссертации (глава II, параграфы 2 и 3) и который затрагивается также в других параграфах.

Завершая с критической частью, надо сказать, что диссертации необходима дополнительная работа редактора и корректора. Есть опечатки, есть языковые ошибки, есть даже ошибки содержательные. На с. 56: «японо-китайская война 1894–1905 гг.» – вместо 1894–1895 гг. На с. 131: говорится, что альтернативным С.Ю. Витте кандидатом на руководство портсмутскими переговорами выступал М.Н. Муравьев (Михаил Николаевич – умерший пятью годами ранее министр иностранных дел), тогда как на самом деле это был Николай Валерианович Муравьев (министр юстиции с 1894 до начала 1905 г.). В разделе «Заключение» встречается повтор текста – дважды дословно воспроизводится вывод: «Значительным недостатком современных англо-американских работ является то, что в большинстве случаев в них упускается из виду заинтересованность других стран (США, Великобритании, Германии) в японо-русском столкновении» (с. 150 и 151).

В плане заслуг соискателя следует заметить, что А.К. Дятлова регулярно проявляет пристальное внимание к источниковой базе изучаемых ею работ, которая в большинстве случаев ограничивается опубликованными и широко известными воспоминаниями. Таким образом, она самостоятельно оценивает доказательность выводов изученных ею авторов. Это – доказательство того, что Анастасия Константиновна принадлежит к числу не компиляторов, но исследователей.

В целом можно сказать, что разбираемая диссертация всё же позволяет уяснить ответ на один из главных вопросов, связанных с изучением западной историографии по исследуемой проблеме. В деле изучения российской дальневосточной политики рубежа XIX–XX вв. первенство как по части идей, так и по части введения источников в научный оборот принадлежит российским исследователям, в то время как англоязычные авторы склонны к более популярным работам публицистического свойства. Работа А.К. Дятловой содействует введению в научный оборот новых историографических источников.

Статьи и автореферат достаточно точно передают содержание диссертации (правда, для одного из указанных в перечне публикаций журналов – «Известия Пензенского государственного педагогического университета» – неверно указана серия: «Общественные науки», а на самом деле – «Гуманитарные науки»).

В целом диссертация Анастасии Константиновны Дятловой «Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 –

Отзыв составлен д.и.н. М.В. Шиловским, к.и.н. Д.А. Ананьевым, к.и.н. А.К. Кирилловым и утверждён на заседании сектора истории второй половины XVI – начала XX века, протокол № 3 от 27.04.2015 г.

a

М. В. ШИЛОВСКИЙ.

